ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-90-99
УДК 32(045)

Предметное поле экономической политологии с точки зрения экономиста

З.Э. Межва
Финансовый университет, Москва, Россия
https://orcid.org/0000-0002-2488-6315

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является критический анализ определения предметного поля экономической политологии. В рассмотренных автором книгах и статьях доминирует ситуативная картина предмета, определяемая сложившейся в России практикой взаимоотношений бизнеса и государства. Также автором проанализированы программы обучения ведущих вузов России. Учитывая экономическую и политическую ситуацию в мире в конце 2021 г., автор делает вывод о неудовлетворительном состоянии как исследований, так и обучения данной дисциплине. Основным тезисом работы является утверждение, что в ближайшие годы судьба мира во многом будет определяться борьбой в сфере экономики, в особенности в области денежного обращения и финансов. Поэтому стране срочно нужны специалисты особого профиля — экономисты-политологи.

Ключевые слова: экономическая политология; государственное управление; бизнес; индикаторы развития; международные отношения; политика; политология

Для цитирования: **Межва З.Э. Предметное поле экономической политологии с точки зрения экономиста. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2022;12(1):90-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-90-99**

ORIGINAL PAPER

The Subject of Economic Politology from the Economist's Point of View

Z.E. Mierzwa
Financial University, Moscow, Russia
https://orcid.org/0000-0002-2488-6315

ABSTRACT

The purpose of the article is a critical analysis of the determination of the subject matter of economic politology. In the books and articles analysed by the author, the situational picture of the subject dominates, determined by the current practice of relations between business and the state in Russia. The author also analysed the training programs of the leading universities in Russia. Considering the economic and political situation in the world at the end of 2021, the author concluded that the state of both research and teaching in this discipline is unsatisfactory. The article's central thesis is the assertion that in the coming years, the world's fate will largely be determined by the struggle in the economy, especially in the field of money circulation and finance. Therefore, the country urgently needs new specialists of a unique profile — an economist-political scientist.

Keywords: economic politology; public administration; business; development indicators; international relationships; politics; political science

For citation: **Mierzwa Z.E. The subject of economic politology from the economist's point of view. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):90-99. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-90-99**

© Межва З.Э., 2022

ВВЕДЕНИЕ

Если сузить рамки политики к собственно экономической сфере, рассмотрению подлежат экономические и политические рычаги влияния (воздействия), когда экономические цели достигаются неэкономическими способами (в основном политическими, но также военными действиями или с помощью вовлечения социальных сил в виде, например протестного движения или цветных революций); или когда политические цели достигаются экономическими способами. Применение экономических мер для достижения политических целей и политических мер для достижения экономических целей требует измерения и оценки эффективности.

Таким образом вырисовывается двуликий образ экономической политологии — одновременно экономического анализа политических процессов и политического анализа экономических процессов.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Экономическая политология не является меганаукой и не создает для самой себя теоретическую основу, суть которой, как правило, формулируется в виде парадигмы. Теоретическая основа требует выработки исследовательской программы экономической политологии и инструментов анализа.

В отличие от точных наук, экономические науки имеют полную свободу в формулировке основополагающей парадигмы. Парадигма не должна быть верна (правдива) — она должна быть идеологически полезна.

Экономическую политологию мы будем рассматривать как; 1) научную, исследовательскую дисциплину со своим предметным полем и инструментарием; 2) область знаний; 3) программу обучения. Принципиальное место в этой триаде принадлежит исследовательской программе и ее результатам. Именно результаты образуют область накопленных знаний, которые затем становятся основой программы обучения.

Экономическая политология рассматривает соответствующие отношения на разных уровнях: международном (всемирном), региональном (субрегиональном), билатеральном и страновом. В случае федеративных государств страновой анализ может охватывать специфичные для них межрегиональные отношения внутри страны. Институциональной единицей на любом уровне является государство, что признано на международным уровне.

Для определения предметного поля экономической политологии принципиальное значение имеют теоретико-методологические основы (платформа, парадигма) проводимых анализов (марксизм, кейнсианство, неолиберализм, анархизм, гибридные и смешанные течения). После выбора платформы и парадигмы можно сформулировать исследовательскую программу и определить инструментарии анализа.

В настоящее время экономическая политология находится на начальном этапе становления и ограничивается анализом отношений бизнеса с государством и обществом — в основном в России (разве что, за исключением проблематики лоббизма). Поэтому экономическая политология пока не имеет четко определенных основных понятий и категорий, а ее предметное поле определяется настолько расплывчато и многословно, что порой в потоке слов теряется смысл сказанного (если он там действительно присутствует).

Аморфный характер употребляемых терминов приводит к столь же расплывчатым формулировкам, например: «взаимодействие политической и экономической сфер в любом обществе» или «экономическая политика в широком понимании направлена на реализацию основной ее цели — обеспечение стабильного и гармоничного экономического развития государства». Относительно первого примера укажем только на то, что взаимодействовать могут только люди, а не какие-то сферы. Что касается второго примера, то лучше бы целью экономической политики было «стабильное и гармоничное экономическое развитие» *общества*.

Еще более неоднозначным является употребление слова «государство», особенно в смысле субъекта отношений. Еще молодой Маркс, критикуя гегелевскую философию права, писал: «Как будто не народ есть действительное государство. Государство есть нечто абстрактное. Только народ есть нечто конкретное». Не удивительно, что вместе с изгнанием Маркса изгнали и человека как субъекта экономических отношений.

Поэтому триада «государство-бизнес-общество» по существу неприемлема. Триада «власть (государственная)-бизнес(–сообщество)-общество» не многим лучше, но отражает предмет исследований. Это позволяет рассматривать отношения в категориях групп интересов и политической конфликтологии.

В ПОИСКАХ ПРЕДМЕТА

В период становления экономической политологии как научной дисциплины действительно доминировала проблематика взаимоотношения

государства (государственной власти) и бизнеса. В России выстраивание цивилизованных отношений власти и бизнеса в 90-х гг. и в начале XXI в. было особенно непростым. Свидетельством этому являются работы Г.А. Колобовой [1, 2], А.Г. Олейнова [3–5], С.В. Расторгуева[1] [6], Л.М. Капицы [7,8], А.Д. Богатурова[2] [9], Е.Б. Завьяловой [10], Т.А. Шаклеиной[3], А.В. Павроза[4] [11], К.В. Симонова [12,13], Я.А. Пляйса [14], Е.Ю. Алексеевой [15], А.Ю. Зудина [16], А.А. Кинякина[5], Л.Е. Ильичевой [17], К.Ю. Киселя [18], Е.И. Марковской[6], А.Н. Шохина [19], А.И. Ильинского [20], И.А. Истомина [21] и др.

Экономическая политология как отдельная научная дисциплина появилась в 2005 г. на факультете политологии МГИМО(У). В 2011 г. была создана кафедра политологии и государственно-частного партнерства. Предметом изучения было отношение бизнеса с властью и обществом. Однако в МГИМО экономическую политологию развивают как прикладное знание о практике отношений бизнеса и власти и способах их перевода в русло конструктивного партнерства и интересах общества.

Зато ВШЭ делает акцент на использовании объяснительных возможностей классических и неклассических западных экономических теории в той мере, в какой они дают ключ к пониманию политических явлений.

Но в обоих вузах интерес к экономической политологии как новой, требующей дальнейшего развития научной дисциплине явно потерян.

По мнению А. Богатурова [9], «объяснительная способность экономической политологии зависит от *двух одинаково важных блоков знаний. Первый должен обеспечивать понимание общих теоретических закономерностей поведения государства и экономически активных граждан в политических процессах. Второй — способность разбираться и применять на практике знание конкретной специфики отношений власти, бизнеса и общества в различных странах — прежде всего в самой Российской Федерации».*

Здесь правильно подчеркнут двойственный характер предмета — страновой и международный. Но о каких «общих теоретических закономерностях поведения» идет речь? Теоретические закономерности есть только в гипотезах,— в жизни существуют реальные закономерности.

«В странах не западных, многие из которых, включая Россию, по современной классификации относятся к типу нелиберальных демократий, теория рационального выбора работает лишь отчасти и не является “аналитическим ключом” к пониманию происходящих процессов…».

Возникает вопрос: что значит: «по современной классификации»? А в чем смысл утверждения, что в России «теория рационального выбора работает лишь отчасти»? Разве не факты являются основой для выдвижения теории? Кроме того, совсем не понятно, как можно в основу новой научной дисциплины класть «опозорившуюся» теорию рационального выбора с ее ключевым субъектом *homo economicus*? Разве результаты исследований Д. Канемана, А. Тверски, Р. Шиллера, Дж. Акелрофа, Р. Талера и сотни других не доказали всю научную несостоятельность этой теории (а точнее, гипотезы)?

Далее читаем: «В экономической политологии в равной степени внимательно изучаются эти отношения по поводу и власти, и извлечения прибыли. Извлечение прибыли оказывается объектом политического анализа наряду с борьбой за власть». Прибыль — категория строго экономическая. Здесь речь должна идти об извлечении *экономической выгоды*. Это понятие намного шире, а категория прибыли оставляет за рамками анализа все самозанятое население, а также такие нематериальные ценности, как гудвилл (имидж, престиж).

Встречаются также попытки расширить проблемное поле экономической политологии, включая области, которые напрямую связаны с изучением вопросов обеспечения политической без-

---

[1] Расторгуев С.В. Власть и бизнес: модели взаимодействия. Учебник для направлений аспирантуры «Политология» и «Экономика». Серия «Аспирантура». М.; 2021.

[2] Байков А.А., Богатуров А.Д., Данилин И.В., Жигулин В.В., Кирюшин П.А., Олейнов А.Г., Сушенцов А.А., Томберг Р.И., Фокин В.Ю., Фомин А.М. Экономическая политология: Отношения бизнеса с государством и обществом. Учебное пособие. Богатуров А.Д., ред. М.: Аспект Пресс; 2012.

[3] Байков А.А., Баталов Э.Я., Бирюков А.В., Богатуров А.Д., Болгова И.В., Виньо А., Гневашева В.А., Данилин И.В., Звягельская И.Д., Истомин И.А., Колдунова Е.В., Крутских А.В., Кузнецов А.В., Кузнецов В.А., Мартынов Б.Ф., Ревенко Л.С., Ревенко Н.С., Сушенцов А.А., Ткаченко С.Л., Томберг И.Р., Торкунов А.В., Фененко А.В., Ходынская-Голенищева М.С., Худайкулова А.В., Шаклеина Т.А., Шишков Ю.В. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник. Шаклеина Т.А., Байкова А.А., ред. 3-е изд. перераб. М.: Аспект Пресс; 2022.

[4] Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике. Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; 2006. ISBN 5–288–04017–6.

[5] Кинякин А.А. Проблемы взаимоотношения власти и бизнеса в современной России. Учебное пособие. М.: РУДН; 2008.

[6] Добрынин Л.А., Марковская Е.И., Медведь А.А., Привалов Н.Г., Рагимова Н.С., Троицкая И.В. Взаимодействие государства и бизнеса. Учебное пособие. Марковская Е.И., ред. СПб.: СПбГЭУ; 2014.

опасности бизнеса, профилактики политических рисков, а также с выработкой оптимальной стратегии поведения бизнеса в отношении общества и государства в политических ситуациях в любых странах, включая собственную. Дополнением к этому является также учет российской системы политико-государственных механизмов регулирования экономики.

Г. Колобова [1] считает, что объектом исследования экономической политологии, по мнению ряда авторов, является триада: бизнес-общество-власть. При этом под бизнесом понимается любой субъект, извлекающий экономическую *прибыль* из своей деятельности. Например, согласно А. Богатурову, экономическая политология, основываясь на экономическом анализе политических явлений, изучает, прежде всего, властные отношения для извлечения прибыли. Проблемное поле экономической политологии определяется как совокупность четырех блоков:

- теоретико-методологических основ взаимодействия бизнеса с обществом и государством, где основной акцент делается на теорию рационального выбора;
- вопросов обеспечения политической безопасности бизнеса;
- отношений бизнеса и общества;
- воздействия бизнеса на государство.

Таким образом, ключевым индикатором сущности экономической политологии является термин «бизнес».

Перечислив все претензии к другим авторам, Г. Колобова утверждает, что «изложенные ранее позиции… не в полной мере раскрывают сферу исследования экономической политологии и требуют уточнения».

Далее Г. Колобова пишет: «Вместе с тем, нельзя не согласиться, что экономическая политология есть производная от термина “экономическая политика”». Здесь, кажется, «телегу ставят впереди лошади». Экономическая политология — это, прежде всего, научная дисциплина, а также некоторая область научных знаний. На основе этих же знаний, являющихся результатом исследований, формулируют принципы, стратегию, инструменты и меры экономической политики.

Г. Колобова указывает, что исходный тезис заключается в том, что «состояние экономической сферы государства, несмотря на наличие собственно экономических закономерностей развития, принципиально определяется политическими факторами». Кажется, надстройка рулит базисом, а не наоборот. И все-таки политические факторы, даже революция, определяются движением базиса, когда идея становится материальной силой, овладевшей массами. Нельзя забывать, что политические (как и экономические) процессы не имеют самостоятельного характера. Они инициируются и осуществляются людьми (акторами).

По мнению Г. Колобовой, «именно политические условия определяют основы и векторы развития экономики (например, плановый или рыночный характер экономики)», но она не поясняет, что же создало сами политические условия.

Результатом реализации исследовательских целей и задач экономической политологии является предметно определенная область теоретических знаний, которые далее становятся предметом обучения, а также наборы инструментов влияния на экономические процессы и управления ими. При этом инструменты могут иметь характер политический (в том числе силовой), экономический (включая коммерческое право), социальный (общественные движения, общественное мнение, НГО), охватывая формальные цели и неформальные практики воздействия ключевых акторов (государства, бизнес-структур, политических партий, иных объединений гражданского общества) на экономическую сферу.

Под экономической политологией Г. Колобова понимает весьма обширную область знаний и предлагает следующее определение: *экономическая политология* — это область политологии, направленная на изучение политических условий функционирования национальной экономики, анализ участия ведущих политических сил государства в принятии и реализации политических решений в экономической сфере и оценку механизмов их воздействия на экономику.

Это определение никуда не годится. До того, как конструктивно выстраивать отношения бизнеса с государственными органами и обществом, государству надо сначала определиться со своим местом в мире, чтобы не попасть в ситуацию, как в басне «Лебедь, Рак и Щука».

С. Расторгуев [6] также придерживается доминирующего тренда, утверждая: «Реактивные и проактивные изменения взаимоотношений акторов политической и экономической систем современной России, обусловленные… поиском оптимальной системы мер государственного регулирования экономики, делают актуальным исследование сложившейся системы взаимоотношений политической власти и бизнеса, разработку методологического

инструментария для прогнозирования взаимосвязей субъектов политики и экономики в контексте проблемы достижения баланса отношений двух систем». Надо добавить: «и достижения целей». Но остается открытым вопрос: в чем этот баланс выражается и как измеряется?

Далее С. Расторгуев определил цель своего исследования, как построение «адекватной вызовам времени концепции взаимоотношений органов государственной власти и хозяйствующих субъектов». Такая постановка вопроса напоминает невыполнимую задачу «экономикс» — поиска равновесия (equilibrium). Именно этот маниакальный поиск условий состояния, в котором противостоящие силы или влияния уравновешены, привели к превращению «экономикс» во «внебрачного ребенка» высшей математики. Если же обратиться к выставленной за дверь гегельянской диалектике в версии, изложенной К. Марксом, то именно источником движения (в том числе и прогресса) является отсутствие равновесия.

Поэтому речь идет о поисках и выработке механизма нахождения равновесия (балансирования интересов) без надежды на его достижение. Ибо, как в споре рождается истина, так и противоречия являются источником движения.

В отличие от (нео)институционального, подход, учитывающий наличие формальных и неформальных групп интересов, является более приближенным к жизни. Особое внимание при этом уделяется изложению групповой теории политики, анализу современных концепций взаимодействия различных по своему характеру и складу групп интересов. Здесь не только надо найти ответ на вопрос: «Ради чего некоторые люди рвутся к власти?», не менее важным является уточнение действительных принципов и условий *целеполагания* субъектов политики (шире — внеэкономической сферы) и экономики.

А. Павроз[7] рассматривает «группы интересов, представляющие собой социальные объединения для совместного отстаивания и реализации общих интересов, и лоббизм как совокупность специфических каналов и механизмов, посредством которых осуществляется воздействие партикулярных интересов на процессы формирования государственной политики».

Это не только вопрос взаимозаменяемости позиции, так называемый принцип «двери-вертушки» (revolving door), но также институт лоббизма, теневого правительства, групповой солидарности, круговой поруки, коррупции, плутократии и других олигархических структур.

С ПОЗИЦИИ СИЛЫ

Несмотря на все пакты, договоры, соглашения и пр., в отношениях государств все еще доминируют силовые приемы. Неоспоримый факт, что в большинстве случаев надо принимать во внимание, есть ли у субъектов отношений желание извлечь выгоду из своей позиции сильного или сверхсильного. Тогда перед экономической политологией встает один из важнейших вопросов: как определить (измерить) мощь государства в количественном выражении?

С теоретической точки зрения существует несколько концепций измерения мощи государства: математические подходы к политике (mathematical approaches to politics), количественная международная политика (quantitative international politics), теория статусного поля международных отношений (status-field theory of international relations), теории баланса сил (balance of power theories), индексы политических возможностей (indexes of political capabilities) [22–27].

Национальная мощь определяется как сумма всех ресурсов, доступных нации для достижения национальных целей. Оценка национального могущества политических образований была актуальной уже в классической античности, Средневековье и во время эпохи Возрождения. Ресурсы, которые при этом учитываются, можно разделить на две группы, в зависимости от их применимости и происхождения:

естественные:

- география (положение, рельеф, климат и др.);
- материальные ресурсы (в том числе накопленное богатство);
- население (в особенности его гендерная структура);

и социальные:

- экономические;
- политические;
- военные;
- психологические;
- социологические;
- информационные;
- знания и научные исследования.

Ко всем этим атрибутам разработаны сотни показателей (единичных и комбинированных), а также комплексные показатели (называемые

[7] Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике. Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; 2006. ISBN 5–288–04017–6.

также синтетическими), в том числе многомерные. В русскоязычной литературе особое внимание привлекают работы Л.М. Капицы [7,8], а также работы В. Артюшкина, А. Казанцева [28] и В. Сергеева [29]. В них представлен объективный анализ некоторых индикаторов, применяемых, главным образом, международными организациями для выявления новых тенденций мирового развития, а также для оценки текущей ситуации и прогресса в реализации международных стратегий развития. Указано, что «не все из представленных в данном пособии индикаторов являются убедительными с методологической и научной точки зрения. Поводом для включения их в пособие послужил тот факт, что некоторые из них широко используются в политической пропаганде для формирования стереотипа, образа страны».

Продолжением этой темы является коллективная монография «Индикаторы мирового развития». Ее ценность заключается в том, что авторы детально представили принципы конструкции многих показателей. Одним из главных их недостатков (абстрагируясь от заведомо тенденциозных или «экспертных») можно назвать то, что они конструируются, и впоследствии их числовые значения во многом зависят от конструкции показателя.

Этого недостатка лишены некоторые показатели, принадлежащие к группе многомерных, как я уже указывал в другой своей статье [30]. Еще в 60-х гг. XX в. ООН возлагала большие надежды на такие показатели, но затем эта работа была прекращена, в том числе из-за нехватки мощности тогдашних ЭВМ (слово «компьютер» тогда еще никто не употреблял). Сегодня развитие и применение методов многомерного анализа (multidimensional analysis) существенно помогло бы в развитии политметрики.

Но во всем этом многообразии показателей основное место занимают так называемые индексы мощи (World Power Index — WPI).

COMPOSITE INDEX OF NATIONAL CAPABILITY (CINC)

Комбинированный индекс национального потенциала (КИНП) — это статистический показатель национальной мощи, введенный Дж. Дэвидом Сингером для проекта «Корреляты войны» (Correlates of War) в 1963 г. Индекс является комбинацией шести различных компонентов, которые представляют демографическую, экономическую и военную мощь. Более поздние исследования, как правило, используют шкалу (CINC), которая учитывает частные показатели, более важные для восприятия истинной государственной мощи, чем традиционно используемый ВВП.

ASIA POWER INDEX

Индекс мощи стран Азии используется, чтобы оценить относительную мощь государств в Индо-Тихоокеанском регионе. Индекс ежегодно публикует Институт Лоуи (Lowy Institute, Австралия) с 2018 г. Он оценивает международную мощь 26 стран и территорий Азии, используя 131 индикатор по 8 тематическим показателям: военные возможности и сети защиты, экономические возможности и отношения, дипломатическое и культурное влияние, а также устойчивость и будущие ресурсы.

WORLD POWER INDEX

Индекс мировой мощи (ИММ), или World Power Index (WPI, https://www.worldpowerindex.com), разработанный Daniel Morales Ruvalcaba, является результатом применения метода количественного анализа и призван помочь преодолеть герменевтические проблемы, вызванные субъективной интерпретацией силы в международных отношениях. Таким образом, ИММ способствует точному сравнению национальных возможностей и изучению международной структуры. Индекс определяется в числовом выражении, учитывающем в расчетах совокупность национальных возможностей, которыми обладает государство для осуществления своей власти на международной арене. ИММ использует 18 компонентов, сгруппированных в 3 субиндекса, которые позволяют не только анализировать национальные материальные возможности или «жесткую силу» (связанную с глобальной военной мощью), но и богатство наций, и качество их институтов, а также «мягкую» силу стран.

TONY NORFIELD'S WORLD POWER INDEX

В Индексе мировой мощи Тони Норфилда для оценки статуса страны используются пять измерений международной мощи. Он показывает, что США гораздо более заметны в иерархии, чем можно предположить с помощью простой меры экономического развития, такой как ВВП. Кроме того, он отображает относительную важность других стран и проливает свет на главную геополитическую проблему сегодняшнего дня: подъем Китая.

Норфилд впервые составил индекс в начале 2012 г. и назвал его «Индексом империализма». Его цель состояла в том, чтобы использовать доступные данные для измерения различных аспектов международного статуса стран. Затем он изменил

название индекса, а также некоторые компоненты, но основная логика осталась прежней.

В основном индекс основан на экономических данных со смещением в пользу тех, что отражают международную деятельность страны. Он не измеряет напрямую политическую мощь данной страны, но очевидно, что большая экономика будет иметь больший вес в отношениях с остальным миром, чем маленькая. Поэтому в будущем надо включить в него некоторые непосредственно политические компоненты, которые являются актуальными и легко измеряемыми для широкого круга стран.

Индекс мощи состоит из пяти компонентов:

(1) ВВП (GDP) — измеряется в номинальных долларах США с использованием данных МВФ за соответствующий год;

(2) ПИИ (FDI) — сумма активов прямых иностранных инвестиций с использованием данных ЮНКТАД на конец соответствующего года;

(3) Валюта (FX) — объем глобальных транзакций в валюте за апрель соответствующего года в качестве базового периода с использованием последнего исследования BIS за соответствующий год (транзакции в евро распределяются между 19 членами, входящими в еврозону);

(4) Банки (Banks) — непогашенные международные кредитные активы и депозитные обязательства банков в конкретной стране с использованием данных BIS на конец соответствующего года;

(5) Военные (Military) — военные расходы стран, измеренные в номинальных долларах США, с использованием данных SIPRI за соответствующий год.

Каждый из компонентов имеет одинаковый вес в индексе. Страна с наибольшим показателем компонента получает оценку 100 по этому пункту, а другие страны, соответственно, меньше. Так, например, если у страны А самый большой ВВП, то это 100, а у страны В — четверть этого ВВП, равная 25. В завершение подсчета компоненты для каждой страны складываются, а затем делятся на 5.

Если страна является самой крупной по всем параметрам, ее окончательный номер в индексе будет 100. США почти приблизились к этому значению, и у них показатель составляет 92,4, с наибольшим ВВП, ПИИ, операциями с иностранной валютой и расходами на вооруженные силы. Но они все же занимают второе место после империи, в которой «никогда не заходило солнце», Великобритании — месте размещения посреднических банков (точнее, международного банкинга).

Тема измерений в экономической политологии является чрезмерно важной. Тем не менее всегда есть место сомнению: действительно ли экономическая статистика измеряет то, что, по ее утверждению, измеряется.

ЧТО ИССЛЕДОВАТЬ?

Любая программа обучения строится на достоверных результатах научных исследований. Разработку исследовательской программы экономической политологии следовало бы вести в четырех направлениях:

- Международные аспекты.
- Внутристрановые аспекты.
- Проблемы измерения (методология и методы количественного анализа).
- Проблемы прогнозирования.

Предварительно можно сказать, что теоретическая и методологическая базы таких исследований должны охватывать следующие группы вопросов:

1. Определение основных тенденций развития стратегически важных геополитических и геоэкономических процессов и явлений в мире. Для этого проводится детальный экономико-статистический анализ с использованием, в том числе, всего спектра таксономических методов анализа. В результате получается (наряду с существующими международными показателями) набор синтетических (композитных) показателей тенденций и динамики развития.

2. На основе полученных данных и другой информации определяются основные стратегические направления, цели и задачи развития страны, в том числе в сфере обороны и крупных/долгосрочных инвестиций.

3. Построение иерархической структуры интересов акторов с учетом подчинения интересов. Определение правил (принципов) установления важности и подчиненности интересов (стихийная, целенаправленная, приказная, консенсусная, договорная, референдум/выборы).

4. Определение возможности, роли и доли участия частного бизнеса в реализации целей и задач развития страны.

5. Комплексная оценка политических, экономических и социальных рисков.

6. Анализ и оценка существующих (CSME/EC$, EU/€, Switzerland–Liechtenstein/CHF); CSME, EU, EAEU, MERCOSUR, GCC, SICA; CEMAC/XAF, UEMOA/XOF; EEA-Switzerland; CAN, EAC, EUCU, SACU; ASEAN, CEFTA, CISFTA, COMESA, CPTPP, DCFTA, EFTA, GAFTA, USMCA, SAFTA, AANZFTA, PAFTA, SADCFTA) и планируемых (EAC, COMESA, ECCAS, ECOWAS, AEC) международных (двух- и многосто-

ронних) договоров и трактатов экономического характера. Торговая и экономическая карты мира.

7. Финансовая опора политических режимов.

8. Политические аспекты неравенства и бедности.

9. Криминализация бизнеса и государственного аппарата.

10. Теневые виды и структуры предпринимательской деятельности.

11. Политическое значение свойств монетарной и финансовой системы.

12. Экономический рационализм и нормативная политическая экономия.

13. Концепция рационального поведения и теории бихевиоризма (Шиллер, Таллер, Канеман-Тверски).

14. Роль психологии в экономической политологии.

15. Роль идеологии и СМИ в экономической политологии. Экономические интересы, оформленные в виде идеологических установок/лозунгов.

16. Идеологическая роль экономических теорий (науки).

ВЫВОДЫ

Из беглого обзора судьбы экономической политологии (несмотря на многообещающее начало) следует, что этой дисциплине пришло время восстановить былое величие. Автор убежден, что кадровый, организационный и интеллектуальный потенциал Финансового университета способен справиться с такой задачей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колобова Г.А. О предметном поле экономической политологии. *Власть*. 2016;12:156–159.
2. Колобова Г.А. Специфика политико-государственных механизмов регулирования экономики в современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Казань; 2014.
3. Олейнов А.Г. Управление глобальными процессами. Теоретические предпосылки практической реализации. *Международные процессы*. 2018;16(1):134–145. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.11
4. Олейнов А.Г. Экономическое будущее глобализации. *Вестник МГИМО-Университета*. 2018;61(4):92–106. DOI: 10.24833/2071–8160–2018–4–61–92–106.
5. Олейнов А.Г. Международная политэкономия: предмет и метод. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017;61(2):54–64. DOI: 10.20542/0131–2227–2017–61–2–54–64
6. Расторгуев С.В. Взаимоотношения политической власти и бизнеса в современной России: модели и тенденции достижения баланса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М.; 2015.
7. Апанович М.Ю., Галищева Н.В., Дегтерев Д.А., Елагин Д.П., Капица Л.М., Морева Е.Л., Лобанов А.А., Олейнов А.Г., Потапова И.Р., Ребрей С.М., Сергеев Е.А.). Индикаторы мирового развития. Капица Л.М., ред.3-е изд., перераб. и дополн. М.: МГИМО(У); 2021.
8. Капица Л.М. Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У) МИД РФ; 2008.
9. Богатуров А.Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России. *Полис*. 2011;4:8–19.
10. Макаренко А.В., Александров О.Б., Байков А.А., Завьялова Е.Б., Истомин И.А., Кабаченко А.М., Пичков О.Б., Сафрончук М.В., Стрелец И.А., Студеникин Н.В., Фокин В.Ю. Основы экономической политологии. Завьялова Е.Б., ред. М.: МГИМО-Университет; 2015.
11. Павроз А.В. Группы интересов и политические режимы: неоинституциональный анализ современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. СПб.; 2013.
12. Симонов К.В. Куда приведут технологии? Выбор между цифровой полиархией, цифровым авторитаризмом и цифровой анархией. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2020;10(6):6–11.
13. Simonov K., Grivach A. Political Risks in Global Energy: From “Resource Nationalism” to “Molecules of Freedom” and Climate Weapons. Valdai Discussion Club Report; July 2020.
14. Пляйс Я.А., Окунев И.Ю., Пятибратов И., Машьянов Д., Урожок Е., Осинина Д., Водопетов С., Долгих А., Сидоренко С., Ковшов М., Юшков И.В. Глобальные геопроекты и Россия. М.; 2019.
15. Алексеева Е.Ю. Институционализация взаимоотношений власти, бизнеса и общества в современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М.; 2008. 19 с.
16. Зудин А.Ю. Россия: бизнес и политика (стратегии взаимодействия бизнеса и государства). *Мировая экономика и международные отношения*. 1996;(3,4,5).
17. Ильичева Л.Е., ред. Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия. М.: ИНЭК; 2010.

18. Кисель К.Ю. Современные модели взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. ВШЭ. М.; 2013.
19. Шохин А.Н., ред. Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия. Монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2011.
20. Ильинский А.И. Теория политических деловых циклов и манипуляционная монетарная политика. *Гуманитарные Науки. Вестник Финансового университета.* 2015;20(4):53–60.
21. Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования. *Polis. Political Studies*. 2020;(6):8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02
22. Hayward R. Alker, Deutsch Karl Wolfgang, Stoetzel Antoine H. Mathematical Approaches to Politics. Elsevier Scientific Publishing Company; 1973.
23. Holsti K.J. The Concept of Power in the Study of International Relations. *Background*. 1964;7(4):179–194.
24. Dahl, Robert A. The Concept of Power. *Behavioral Science.* 1957;(2):201–215.
25. Hart Jeffrey. Three Approaches to the Measurement of Power in International Relations. *International Organization. Spring*. 1976;30(2):289–305.
26. Guzzini Stefano. On the measure of power and the power of measure in International Relations. Danish Institute for International Studies; 2009.
27. Seong-Hun Yun. An Overdue Critical Look at Soft Power Measurement. *Journal of International and Area Studies.* 2018;25(2):1–20.
28. Безруков А, Сушенцов А., Мамонов М., Силаев Н., Маркедонов С., Байков А., Токарев А., Баклицкий А., Маргоев А., Соколов А., Арапова Е., Денисов И., Чечевишников А., Лошкарев И. Международные угрозы 2021. Геополитика после пандемии. Сушенцов А., ред. М.: МГИМО(У); 2020.
29. Артюшкин В.Ф., Казанцев А.А., Сергеев В.М. Соотношение сил между великими державами в “Группе 20”: анализ при помощи метода многомерного шкалирования. *Полис.* 2021;(2):125–138. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.00
30. Mierzwa Z.E. Implementation of Multivariate Statistical Analysis for Warning Forecasting. *Review of Business and Economics Studies.* 2017;5(4):22–36.

REFERENCES

1. Kolobova G.A. On the subject field of economic political science. *Vlast’ = Power*. 2016;12:156–159. (In Russ.).
2. Kolobova G.A. Specificity of political and state mechanisms for regulating the economy in modern Russia. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Political Science. Kazan; 2014. (In Russ.).
3. Oleinov A.G. Management of global processes. Theoretical prerequisites for practical implementation. *Mezhdunarodnyye protsessy = International processes*. 2018;16(1):134–145. (In Russ.). DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.11
4. Oleinov A.G. The economic future of globalization. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO University Bulletin*. 2018;61(4):92–106. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071–8160–2018–4–61–92–106
5. Oleinov A.G. International political economy: subject and method. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya = World economy and International Relations*. 2017;61(2): 54–64. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131–2227–2017–61–2–54–64.
6. Rastorguev S.V. The relationship between political power and business in modern Russia: models and trends in achieving balance. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Political Science. Moscow; 2015. (In Russ.).
7. Apanovich M. Yu., Galischeva N.V., Degterev D.A., Elagin D.P., Kapitsa L.M., Moreva E.L., Lobanov A.A., Oleinov A G., Potapova I.R., Rebrey S.M., Sergeev E.A. World Development Indicators. Kapitsa L.M., ed. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow: MGIMO (U); 2021. (In Russ.).
8. Kapitsa L.M. World Development Indicators. Second edition. Moscow: MGIMO(U) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; 2008. (In Russ.).
9. Bogaturov A.D. The concept of economic political science and features of its problem field in Russia. *Polis*. 2011;4:8–19. (In Russ.).
10. Makarenko A.V., Aleksandrov O.B., Baikov A.A., Zavyalova E.B., Istomin I.A., Kabachenko A.M., Pichkov O.B., Safronchuk M.V., Strelets I.A., Studenikin N.V., Fokin V. Yu.). Fundamentals of Economic Political Science. Zavyalova EB, ed. Moscow: MGIMO-University; 2015. (In Russ.).
11. Pavroz A.V. Interest groups and political regimes: a neo-institutional analysis of modern Russia. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Political Science. St. Petersburg; 2013. (In Russ.).

12. Simonov K.V. Where will technology take? Choice between digital polyarchy, digital authoritarianism and digital anarchy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):6–11. (In Russ.).
13. Simonov K., Grivach A. Political Risks in Global Energy: From "Resource Nationalism" to "Molecules of Freedom" and Climate Weapons. Valdai Discussion Club Report; July 2020.
14. Plyays Ya.A., Okunev I. Yu., Pyatibratov I., Mashyanov D., Urozhok E., Osinina D., Vodopetov S., Dolgikh A., Sidorenko S., Kovshov M., Yushkov I.V. Global Geoprojects and Russia. Moscow; 2019. (In Russ.).
15. Alekseeva E. Yu. Institutionalization of the relationship between government, business, and society in modern Russia. Abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Moscow; 2008.19 p. (In Russ.).
16. Zudin A. Yu. Russia: business and politics (strategies for interaction between business and the state). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya = World economy and International Relations*. 1996;(3,4,5). (In Russ.).
17. Ilyicheva L.E., ed. State, business, society: problems of interaction optimization. Moscow: INEK, 2010. (In Russ.).
18. Kisel K. Yu. Modern models of interaction between business structures and government bodies. Dissertation for the degree of candidate of political sciences. HSE. Moscow; 2013. (In Russ.).
19. Shokhin A.N., ed. Business and power in Russia: theory and practice of interaction. Monograph. Moscow: HSE; 2011. (In Russ.).
20. Ilyinsky A.I. Political business cycle theory and manipulative monetary policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2015;20(4):53–60. (In Russ.).
21. Istomin I.A., Baykov A.A. Alliances in the Service of Hegemony: Deconstruction of the Toolkit for Military-Political Dominance. *Polis. Political Studies*. 2020;(6):8–25. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02.
22. Hayward R. Alker, Deutsch Karl Wolfgang, Stoetzel Antoine H. Mathematical Approaches to Politics. Elsevier Scientific Publishing Company; 1973.
23. Holsti K.J. The Concept of Power in the Study of International Relations. *Background*. 1964;7(4):179–194.
24. Dahl, Robert A. The Concept of Power. *Behavioral Science*. 1957;(2):201–215.
25. Hart Jeffrey. Three Approaches to the Measurement of Power in International Relations. *International Organization*. Spring. 1976;30(2):289–305.
26. Guzzini Stefano. On the measure of power and the power of measure in International Relations. Danish Institute for International Studies; 2009.
27. Seong-Hun Yun. An Overdue Critical Look at Soft Power Measurement. *Journal of International and Area Studies*. 2018;25(2):1–20.
28. Sushentsov A., ed. International Threats 2021. Geopolitics after the Pandemic. Moscow: MGIMO (U); 2020. (In Russ.).
29. Artyushkin V.F., Kazantsev A.A., Sergeev V.M. Power relations among the great powers in the "Group of 20": analysis using the method of multidimensional scaling. *Polis*. 2021;(2):125–138. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2021.02.00.
30. Mierzwa Z.E. Implementation of Multivariate Statistical Analysis for Warning Forecasting. *Review of Business and Economics Studies*. 2017;5(4):22–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Збигнев Эдмунд Межва — доктор экономических наук, профессор департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
zmierzwa@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zbigniew Edmund Mierzwa — Doctor of Political Economy, Professor of the Department of Politology, Financial University, Moscow, Russia
zmierzwa@yandex.ru

Статья поступила 27.11.2021; принята к публикации 15.12.2021.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 27.11.2021; accepted for publication on 15.12.2021.
The author read and approved the final version of the manuscript.